

Михаил Юрьевич
ЛЕРМОНТОВ

М. Лермонтов

ОБРАЗЫ
СОВРЕМЕНА

Михаил Юрьевич Лермонтов

Измаил-Бей
(Поэмы)

Содержание

#1	0008
Часть первая	0009
1	0009
2	0010
3	0011
4	0012
5	0013
6	0014
7	0015
8	0016
9	0017
10	0018
11	0019
12	0020
13	0021
14	0022
15	0023
16	0024
17	0025
18	0026
19	0027
20	0028
21	0029
22	0030
23	0031

24	0032
25	0033
26	0034
27	0035
28	0037
29	0038
30	0039
31	0040
32	0041
33	0042
34	0043
35	0044
36	0045
37	0046
Часть вторая	0048
1	0048
2	0050
3	0051
4	0052
5	0053
6	0054
7	0055
8	0056
9	0057
10	0058
11	0059
12	0060
13	0061

14.	0062
15.	0063
16.	0064
17.	0066
18.	0066
19.	0068
20.	0069
21.	0070
22.	0072
23.	0073
24.	0074
25.	0075
26.	0076
27.	0077
28.	0078
29.	0079
30.	0080
31.	0081
32.	0082
33.	0083
34.	0083
Часть третья.	0085
1.	0085
2.	0086
3.	0087
4.	0088
5.	0089
6.	0090

7	0091
8	0092
9	0093
10	0094
11	0095
12	0096
13	0097
14	0098
15	0098
16	0102
17	0103
18	0104
19	0105
20	0106
21	0107
22	0108
23	0109
24	0110
25	0112
26	0113
27	0114
28	0115
29	0116
30	0117
31	0118
32	0119
33	0120
Примечания	0126

Михаил Юрьевич Лермонтов
Измаил-бей
Восточная повесть

Опять явилось вдохновенье
Душе безжизненной моей
И превращает в пенопенье
Тоску, развалину страстей.
Так, посреди чужих степей,
Подруг внимательных не зная,
Прекрасный путник, птичка рая
Сидит на дереве сухом,
Блестя лазоревым крылом;
Пускай ревет, бушует вьюга...
Она поет лишь об одном,
Она поет о солнце юга!..

Часть первая

*So moved on earth Circassiás daughter
The loveliest bird of Franguestan!
Byron. The Giaour.[1]*

1

*Приветствую тебя, Кавказ седой!
Твоим горам я путник не чужой:
Они меня в младенчестве носили
И к небесам пустыни приучили.
И долго мне мечталось с этих
пор
Всё небо юга да утесы гор.
Прекрасен ты, суровый край сво-
боды,
И вы, престолы вечные природы,
Когда, как дым синяя, облака
Под вечер к вам летят издалека,
Над вами вьются, шепчутся как
тени,
Как над главой огромных привиде-
ний
Колеблемые перья, – и луна
По синим сводам странствует
одна.*

Как я любил, Кавказ мой велича-
вый,
Твоих сынов воинственные нравы,
Твоих небес прозрачную лазурь
И чудный вой мгновенных, гром-
ких бурь,
Когда пещеры и холмы крутые
Как стражи окликаются ночные;
И вдруг проглянет солнце, и по-
ток
Озолотится, и степной цветок,
Душистую головку поднимая,
Блестит как цветы небес и рая...
В вечерний час дождливых обла-
ков
Я наблюдал разодранный покров;
Лиловые, с багряными краями,
Одни еще грозят, и над скалами
Волшебный замок, чудо древних
дней,
Растет в минуту; но еще скорей
Его рассеет ветра дуновенье!
Так прерывает резкий звук цепей
Преступного страдальца сновиде-
нье,

*Когда он зрит холмы своих по-
лей...*

*Меж тем белей, чем горы снего-
вые,*

Идут на запад облака другие

И, проводивши день, теснятся в ряд,

*Друг через друга светлые гля-
дят*

*Так весело, так пышно и беспечно,
Как будто жить и нравиться им
вечно!..*

3

*И дики тех ущелий племена,
Им бог – свобода, их закон – война,
Они растут среди разбоев тай-
ных,*

*Жестоких дел и дел необычайных;
Там в колыбели песни матерей
Пугают русским именем детей;
Там поразить врага не преступле-
нье;*

*Верна там дружба, но вернее
мщенье;*

*Там за добро – добро, и кровь – за
кровь,*

И ненависть безмерна, как любовь.

4

*Темны преданья их. Старик-чеченец,
Хребтов Казбека бедный уроженец,
Когда меня чрез горы провожал,
Про старину мне повесть рассказал.
Хвалил людей минувшего он века,
Водил меня под камень Росламбека,
Повисший над извилистым путем,
Как будто бы удержанный аллою
На воздухе в падении своем,
Он весь оброс зеленою травой;
И не боясь, что камень упадет,
В его тени, храним от непогод,
Пленительней, чем голубые очи
У нежных дев ледяной полуночи,
Склоняясь в жар на длинный стебелек,
Растет воспоминания цветок!..
И под столетней, мишистою ска-*

лою
Сидел чечен однажды предо
мною:
Как серая скала, седой старик,
Задумавшись, главой своей по-
ник...
Быть может, он о родине молил-
ся!
И, странник чуждый, я прервать
страшился
Его молчанье и молчанье скал:
Я их в тот час почти не разли-
чал!

5

Его рассказ, то буйный, то пе-
чальный,
Я вздумал перенести на север
дальный:
Пусть будет странен в нашем он
краю,
Как слышал, так его передаю!
Я не хочу, неизвестный толпою,
Чтобы как тайна он погиб со
мною;
Пусть ему не внемлют, до конца
Я доскажу! Кто с гордою душою

Родился, тот не требует венца;
Любовь и песни – вот вся жизнь
певца;
Без них она пуста, бедна, уныла,
Как небеса без туч и без светила!..

6

Давным-давно, у чистых вод,
Где по кремням Подкумок мчит-
ся,
Где за Машуком день встает,
А за крутым Бешту садится,[2]

Близ рубежа чужой земли
Аулы мирные цвели,
Гордились дружбою взаимной;
Там каждый путник находил
Ночлег и пир гостеприимный;
Черкес счастлив и волен был.
Красою чудной за горами
Известны были девы их,
И старцы с белыми власами
Судили распри молодых,
Весельем песни их дышали!
Они тогда еще не знали
Ни золота, ни русской стали!

Не всё судьба голубит нас,
Всему свой день, всему свой час.
Однажды, – солнце закатилось,
Туман белел уж под горой,
Но в эту ночь аулы, мнилось,
Не знали тишины ночной.
Стада теснились и шумели,
Арбы тяжелые скрипели,
Трепеща, жены близ мужей
Держали плачущих детей,
Отцы их, бурками одеты,
Садилась молча на коней
И заряжали пистолеты,
И на костре высоком жгли,
Что взять с собою не могли!
Когда же день новорожденный
Заветный озарил курган,
И мокрый утренний туман
Рассеял ветер пробужденный,
Он обнажил подошвы гор,
Пустой аул, пустое поле,
Едва дымящийся костер
И свежий след колес – не боле.

Но что могло заставить их
Покинуть прах отцов своих
И добровольное изгнание
Искать среди пустынь чужих?
Гнев Магомета? Прорицанье?
О нет! Примчалась как-то весть,
Что к ним подходит враг опас-
ный,
Неумолимый и ужасный,
Что всё громам его подвластно,
Что сил его нельзя и счесть.
Черкес удалый в битве правой
Умеет умереть со славой,
И у жены его молодой
Спаситель есть – кинжал двой-
ной;
И страх насильства и могилы
Не мог бы из родных степей
Их удалить: позор цепей
Несли к ним вражеские силы!
Мила черкесу тишина,
Мила родная сторона,
Но вольность, вольность для ге-
роя
Милей отчизны и покоя.

*«В насмешку русским и в укор
Оставим мы утесы гор;
Пусть на тебя, Бешту суровый,
Попробуют надеть оковы»,
Так думал каждый; и Бешту
Теперь их мысли понимает,
На русских злобно он взирает,
Иль облаками одевает
Вершин кудрявых красоту.*

9

*Меж тем летят за годом годы,
Готовят мщенье народы,
И пятый год уж настает,
А кровь джяуров не течет.
В необитаемой пустыне
Черкес бродящий отдохнул,
Построен новый был аул
(Его следов не видно ныне).
Старик и воин молодой
Кипят отвагой и враждой.
Уж Росламбек с берегов Кубани
Князей союзных поджидал;
Лезгинец, слыша голос брани,
Готовит стрелы и кинжал;
Скопилась месть их роковая
В тиши над дремлющим врагом:*

Так летом глыба снеговая,
Цвета́ми радуги блистая,
Висит, прохладу обеща́я,
Над беззаботным табу́ном...

10

В тот самый год, осенним днем,
Между Железной и Змеиной,[3]
Где чуть приметный путь лежал,
Цветущей, узкою долиной
Тихонько всадник проезжал.
Кругом, налево и направо,
Как бы остатки пирамид,
Подъезжая к небу величаво,
Гора из-за горы глядит;
И дале царь их пятиглавый,
Туманный, сизо-голубой,
Пугает чудной вышиной.

Еще небесное светило
Росистый луг не обсушило.
Со скал гранитных над путем
Склонился дикий виноградник,
Его серебряным дождем
Осыпан часто конь и всадник.
Но вот остановился он.
Как новой мыслью поражен,
Смущенный взгляд кругом обво-
дит,
Чего-то, мнится, не находит;
То пустит он коня стремглав,
То остановит и, привстав
На стремяна, дрожит, пылает.
Всё пусто! Он с коня слезает,
К земле сырой главу склоняет
И слышит только шелест трав.
Всё одичало, онемело.
Тоскою грудь его полна...
Скажу ль? – За кровлю сакли бе-
лой
За близкий топот табуна
Тогда он мир бы отдал целый!..

*Кто ж этот путник? русский?
нет.*

*На нем чекмень, простой беш-
мет,
Чело под шапкою косматой;
Ножны кинжала, пистолет
Блестят насечкой небогатой;
И перетянут он ремнем,
И шашка чуть звенит на нем;
Ружье, мотаясь за плечами,
Белеет в шерстяном чехле;
И как же горца на седле
Не различить мне с казаками?
Я не ошибся – он черкес!
Но смуглый цвет почти исчез
С его ланит; снега и вьюга
И холод северных небес,
Конечно, смыли краску юга,
Но видно всё, что он черкес!
Густые брови, взгляд орлиный,
Ресницы длинные и черны,
Движенья быстры и вольны;
Отвергнул он обряд чужбины,
Не сбрил бородки и усов,
И блещет белый ряд зубов,*

Как брызги пены у берегов;
Он, сколько мог, привычек, правил
Своей отчизны не оставил...
Но горе, горе, если он,
Храня людей суровых мненья,
Развратом, ядом просвещенья
В Европе душею заражен!
Старик для чувств и наслажде-
нья,
Без седины между волос,
Зачем в страну, где всё так живо,
Так беспокойно, так игриво,
Он сердце мертвое принес?..

13

Как наши юноши, он молод,
И хладен блеск его очей.
Поверхность темную морей
Так покрывает ранний холод
Корой ледяною своей
До первой бури. – Чувства, стра-
сти,
В очах навеки догорев,
Таятся, как в пещере лев,
Глубоко в сердце; но их власти
Оно никак не избежит.
Пусть будет это сердце камень —

*Их пробужденный адский пламень
И камень углем раскалит!*

14

*И всё прошедшее явилось
Как тень умершего ему;
Всё с этих пор переменилось,
Бог весть, и как и почему!
Он в поле выехал пустое,
Вдруг слышит выстрел – что та-
кое?*

*Как будто на-смех, звук один,
Жилец ущелий и стремнин,
Трикраты отзыв повторяет.
Кинжал свой путник вынимает,
И вот, с винтовкой без штыка
В кустах он видит казака;
Пред ним фазан окровавленный,
Росою с листьев окропленный,
Блестя радужным хвостом,
Лежал в траве пробит свинцом.
И ближе путник подъезжает
И чистым русским языком:
«Казак, скажи мне, – вопрошает,*

—
*«Давно ли пусто здесь кругом?»
– «С тех пор, как русских устра-*

шился
Неустрашимый твой народ!
В чужих горах от нас он скрылся.
Тому сегодня пятый год».

15

Казак умолк, но что с тобою,
Черкес? зачем твоя рука
Подъята с шашкой роковою?
Прости улыбку казака!
Увы! свершилось наказанье...
В крови, без чувства, без дыханья,
Лежит насмешливый казак.
Черкес глядит на лик холодный,
В нем пробудился дух природный

Он пощадить не мог никак,
Он удержать не мог удара.
Как в тучах зарево пожара,
Как лавы Этны по полям,
Больной румянец по щекам
Его разлился; и блистали
Как лезвеё кровавой стали
Глаза его – и в этот миг
Душа и ад – всё было в них.
Оборотясь, с улыбкой злобной
Черкес на север кинул взгляд;

*Ничто, ничто смертельный яд
Перед улыбкою подобной!
Волною поднялася грудь,
Хотел он и не мог вздохнуть,
Холодный пот с чела крутого
Катился, – но из уст ни слова!*

16

*И вдруг очнулся он, вздрогнул,
К луке припал, коня толкнул.
Одно мгновенье на кургане
Он черной птицею мелькнул,
И скоро скрылся весь в тумане.
Через камни конь его несет,
Он не глядит и не боится;
Так быстро скачет только тот,
За кем раскаяние мчится!..*

Куда черкес направил путь?
Где отдохнет младая грудь,
И усмирится дум волненье?
Черкес не хочет отдохнуть —
Ужели отдыхает мщенье?
Аул, где детство он провел,
Мечети, кровы мирных сел —
Всё уничтожил русский воин.
Нет, нет, не будет он спокоен,
Пока из белых их костей
Векам грядущим в поученье
Он не воздвигнет мавзолеей
И так отмстит за униженье
Любезной родины своей.
«Я знаю вас, – он шепчет, – знаю,
И вы узнаете меня;
Давно уж вас я презираю;
Но вашу кровь пролить желаю
Я только с нынешнего дня!»
Он бьет и дергает коня,
И конь летит как ветер степи;
Надулись ноздри, блещет взор,
И уж в виду зубчатые цепи
Кремнистых бесконечных гор,
И Шат подьёмлетя за ними

*С двумя главами снеговыми,
И путник мнит: «Недалеко,
В час прискачу я к ним легко!»*

18

*Пред ним, с оттенкой голубою,
Полувоздушною стеною
Нагие тянутся хребты;
Неверны, странны как мечты,
То разойдутся – то сольются...
Уж час прошел, и двух уж нет!
Они над путником смеются,
Они едва меняют цвет!
Бледнеет путник от досады,
Конь непривычный устает;
Уж солнце к западу идет,
И больше в воздухе пролады,
А всё пустынные громады,
Хотя и выше и темней,
Еще загадка для очей.*

Но вот его, подобно туче,
Встречает крайняя гора;
Пестрей восточного ковра
Холмы кругом, всё выше, круче;
Покрытый пеной до ушей,
Здесь начал конь дышать вольней
И детских лет воспоминанья
Перед черкесом пронеслись,
В груди проснулись желанья,
Во взорах слезы родились.
Погасла ненависть на время,
И дум неотразимых бремя
От сердца, мнилось, отлегло;
Он поднял светлое чело,
Смотрел и внутренне гордился,
Что он черкес, что здесь родился!
Меж скал незыблемых один,
Забыл он жизни скоротечность,
Он, в мыслях мира властелин,
Присвоить бы желал их вечность
Забыл он всё, что испытал,
Друзей, врагов, тоску изгнанья
И, как невесту в час свиданья,
Душой природу обнимал!..

Краснеют сизые вершины,
Лучом зари освещены;
Давно расселины темны;
Катясь чрез узкие долины,
Туманы сонные легли,
И только топот лошадиный
Звуча, теряется вдали.
Погас, бледнея день осенний;
Свернув душистые листья,
Вкушают сон без сновидений
Полузавядшие цветы;
И в час урочный молчаливо
Из-под камней ползет змея,
Играет, нежится лениво,
И серебрится чешуя
Над перегибистой спиною:
Так сталь кольчуги иль копья
(Когда забыты после бою
Они на поле роковом),
В кустах найденная луною,
Блится в сумраке ночном.

*Уж поздно, путник одинокой
Оделся буркою широкой.
За дубом низким и густым
Дорога скрылась, ветер дует;
Конь спотыкается под ним,
Храпит, как будто гибель чуёт,
И встал!.. – Дивится, слез седок
И видит пропасть пред собою,
А там, на дне ее, поток
Во мраке бешеной волною
Шумит. – (Слыхал я этот шум,
В пустыне ветром разнесенный,
И много пробуждал он дум
В груди, тоской опустошенной.)
В недоуменьи над скалой
Остался странник утомленный;
Вдруг видит он, в дали пустой
Трепещет огонек, и снова
Садится на коня лихого;
И через силу скачет конь
Туда, где светится огонь.*

Не дух коварства и обмана
Манил трепещущим огнем,
Не очи злобного шайтана
Светилися в ущельи том:
Две сакли белые, простые,
Таятся мирно за холмом,
Чернеют крыши земляные,
С краев ряды травы густой
Висят зеленой бахромой,
А ветер осени сырой
Поет им песни неземные;
Широкий окружает двор
Из кольев и ветвей забор,
Уже нагнутый, обветшалый;
Всё в мертвый сон погружено —
Одно лишь светится окно!..
Заржал черкеса конь усталый,
Ударил о землю ногой,
И отвечал ему другой...
Из сакли кто-то выбегает,
Идет – великий Магомет
К нам гостя, верно, посылает. —
Кто здесь? – Я странник! – был
ответ.
И больше спрашивать не хочет,

Обычай прадедов храня,
Хозяин скромный. Вкруг коня
Он сам заботится, хлопочет,
Он сам снимает весь прибор
И сам ведет его на двор.

23

Меж тем приветно в сакле дым-
ной
Приезжий встречен стариком;
Сажая гостя пред огнем,
Он руку жмет гостеприимно.
Блестает по стенам кругом
Богатство горца: ружья, стрелы,
Кинжалы с набожным стихом,
В углу башлык убийцы белый
И плетъ меж буркой и седлом.
Они заводят речь – о воле,
О прежних днях, о бранном поле;
Кипит, кипит беседа их,
И носятся в мечтах живых
Они к грядущему, к былому;
Проходит неприметно час —
Они сидят! и в первый раз,
Внимая странника рассказ,
Старик дивится молодому.

Он сам лезгинец; уж давно
(Так было небом суждено)
Не зрел отечества. Три сына
И дочь младая с ним живут.
При них молчит еще кручина,
И бедный мил ему приют.
Когда горят ночные звезды,
Тогда пускаются в разъезды
Его лихие сыновья:
Живет добычей вся семья!
Они повсюду страх приносят:
Украсть, отнять – им всё равно;
Чихирь и мед кинжалом просят
И пулей платят за пшено,
Из табуна ли, из станицы
Любого уведут коня;
Они боятся только дня,
И их владеньям нет границы!
Сегодня дома лишь один
Его любимый старший сын.
Но слов хозяина не слышит
Пришелец! он почти не дышит,
Остановился быстрый взор,
Как в миг паденья метеор:
Пред ним, под видом девы гор,

*Создание земли и рая,
Стояла пери молодая!*

25

*И кто б, ее увидев, молвил: нет!
Кто прелести небес иль даже
след
Небесного, рассеянный лучами
В улыбке уст, в движеньи черных
глаз,
Всё, что так дружно с первыми
мечтами,
Всё, что встречаем в жизни
только раз,
Не отличит от красоты ни-
чтожной,
От красоты земной, нередко
ложной?
И кто, кто скажет, совесть за-
глуша:
Прелестный лик, но хладная ду-
ша!
Когда он вдруг увидит пред собою
То, что сперва почел бы он душою,
Освобожденной от земных цепей,
Слетевшей в мир, чтоб утешать
людей!*

Пусть, подойдя, лезгинку он узна-
ет:
В ее чертах земная жизнь играет,
Восточная видна в ланитах
кровь;
Но только удалится образ милый
—
Он станет сомневаться в том,
что было,
И заблуждению он поверит вновь!

26

Нежна – как перы молодая,
Создание земли и рая,
Мила – как нам в краю чуждом
Меж звуков языка чужого
Знакомый звук, родных два слова!
Так утешительно-мила,
Как древле узнику была
На сумрачном окне темницы
Простая песня вольной птицы,
Стояла Зара у огня!
Чело немножко наклоня,
Она стояла гордо, ловко;
В ее наряде простота —
Но также вкус! Ее головка
Платком прилежно обвита;

*Из-под него до груди нежной
Две косы темные небрежно
Бегут; – уж, верно, час она
Их расплетала, заплетала!
Она понравиться желала:
Как в этом женщина видна!*

27

*Рукой дрожащей, торопливой
Она поставила стыдливо
Смиранный ужин пред отцом,
И улыбнулась; и потом
Уйти хотела; и не знала
Идти ли? – Грудь ее порой
Покров приметно поднимала;
Она послушать бы желала,
Что скажет путник молодой.
Но он молчит, блуждают взоры:
Их привлекает лезвеё
Кинжала, ратные уборы;
Но взгляд последний на нее
Был устремлен! – смутилась де-
ва,
Но, не боясь отцова гнева,
Она осталась, – и опять
Решилась путнику внимать...
И что-то ум его тревожит;*

Своих неконченных речей
Он оторвать от уст не может,
Смеется – но больших очей
Давно не обращает к ней;
Смеется, шутит он, – но хлад-
ный,
Печальный смех нейдет к нему.
Замолкнет он? – ей вновь досадно,
Сама не знает почему.
Черкес ловил сначала жадно
Движенья глаз ее живых;
И, наконец, остановились
Глаза, которые резвились,
Ответа ждут, к нему склони-
лись,
А он забыл, забыл о них!
Довольно! этого удара
Вторично дева не снесет:
Ему мешает, видно, Зара?
Она уйдет! Она уйдет!..

Кто много странствовал по све-
ту,
Кто наблюдать его привык,
Кто затвердил страстей приме-
ту,
Кому известен их язык,
Кто рано брошен был судьбою
Меж образованных людей
И, как они, с своей рукою
Не отдавал души своей,
Тот пылкой женщины пристра-
стью
Не почитает уж за счастье,
Тот с сердцем диким и простым
И с чувством некогда святым
Шутить боится. Он улыбкой
Слезу старается встречать,
Улыбке хладно отвечать;
Коль обласкает, – так ошибкой!
Притворством вечным утомлен,
Уж и себе не верит он;
Душе высокой не довольно
Остатков юности своей.
Вообразить еще ей больно,
Что для огня нет пищи в ней.

Такие люди в жизни светской
Почти всегда причина зла,
Какой-то робостью детской
Их отзываются дела:
И обольстить они не смеют,
И вовсе кинуть не умеют!
И часто думают они,
Что их излечит край далекий,
Пустыня, вид горы высокой
Иль тень долины одинокой,
Где юности промчались дни;
Но ожиданье их напрасно:
Душе всё внешнее подвластно!

29

Уж милой Зары в сакле нет.
Черкес глядит ей долго вслед,
И мыслит: «Нежное созданье!
Едва из детских вышла лет,
А есть уж слезы и желанья!
Бессильный, светлый луч зари
На темной туче не гори:
На ней твой блеск лишь помра-
чится,
Ей ждать нельзя, она умчится!»

«Еще не знаешь ты, кто я.
Утешься! нет, не мирной доле,
Но битвам, родине и воле
Обречена судьба моя.
Я б мог нежнейшею любовью
Тебя любить; но над тобой
Хранитель, верно, неземной:
Рука, обрызганная кровью,
Должна твою ли руку жать?
Тебя ли греть моим объятьям?
Тебя ли станут целовать
Уста, привыкшие к проклятьям?»

.....

*Пора! – Яснеет уж восток,
Черкес проснулся, в путь готовый.
На пепелище огонек
Еще синел. Старик суровый
Его раздул, пшено сварил,
Сказал, где лучшая дорога,
И сам до ветхого порога
Радушно гостя проводил.
И странник медленно выходит,
Печалью тайной угнетен;
О юной деве мыслит он...
И кто ж коня ему подводит?*

Уныло Зара перед ним
Коня походного держала
И тихим голосом своим,
Подняв глаза к нему, сказала:
«Твой конь готов! моей рукой
Надета бранная уздечка,
И серебристой чешуей
Блестит кубанская насечка,
И бурку черную ремнем
Я привязала за седлом;
Мне это дело ведь не ново;
Любезный странник, всё готово!
Твой конь прекрасен; не страшна
Ему утесов крутизна,
Хоть вырос он в краю далеком;
В нем дикость гордая видна,
И лоснится его спина,
Как камень, сглаженный пото-
ком;
Как уголь взор его блестит,
Лишь наклонись – он полетит;
Его я гладила, ласкала,
Чтобы тебя он, путник, спас
От вражей шашки и кинжала
В степи глухой, в недобрый час!

*«Но погоди в стальное стремя
Ступать поспешною ногой;
Послушай, странник молодой,
Как знать? быть может, будет
время,
И ты на милой стороне
Случайно вспомнишь обо мне;
И если чаша пированья
Кипит, блестит в руке твоей,
То не ласкай воспоминанья,
Гони от сердца поскорей;
Но если эта мысль родится,
Но если образ мой приснится
Тебе в страдальческую ночь:
Услышь, услышь мое моленье!
Не презирай то сновиденье,
Не отгоняй те мысли прочь!*

«Приют наш мал, зато спокоен;
Его не тронет русский воин, —
И что им взять? – пять-шесть
коней

Да наши грубые одежды?
Поверь ты скромности моей,
Откройся мне: куда надежды
Тебя коварные влекут?
Чего искать? – останься тут,
Останься с нами, добрый стран-
ник!

Я вижу ясно – ты изгнанник,
Ты от земли своей отвык,
Ты позабыл ее язык.
Зачем спешишь к родному краю,
И что там ждет тебя? – не знаю.
Пусть мой отец твердит порой,
Что без малейшей укоризны
Должны мы жертвовать собой
Для непризнательной отчизны:
По мне отчизна только там,
Где любят нас, где верят нам!

«Еще туман белеет в поле,
Опасен ранний хлад вершин...
Хоть день один, хоть час один,
Послушай, час один, не боле,
Пробудь, жестокий, близ меня!
Я покормлю еще коня,
Моя рука его отвяжет,
Он отдохнет, напьется, ляжет,
А ты у сакли здесь, в тени,
Главу мне на руку склони;
Твоих речей услышать звуки
Еще желала б я хоть раз:
Не удержу ведь счастья час,
Не прогоню ведь час разлуки?..»
И Зара с трепетом в ответ
Ждала напрасно два-три слова;
Скрывать печали силы нет,
Слеза с ресниц упасть готова,
Увы! молчание храня,
Садится путник на коня.
Уж ехать он приготовлялся,
Но обернулся, – испугался,
И, состраданьем увлечен,
Хотел ее утешить он:

«Не обвиняй меня так строго!
Скажи, чего ты хочешь? – слез?
Я их имел когда-то много:
Их мир из зависти унес!
Но не решусь судьбы мятежной
Я разделять с душою нежной;
Свободный, раб иль властелин,
Пускай погибну я один.
Всё, что меня хоть малость лю-
бит,
За мною вслед увлечено;
Мое дыханье радость губит,
Щадить – мне власти не дано!
И не простого человека
(Хотя в одежде я простой),
Утешься! Зара! пред собой
Ты видишь брата Росламбека!
Я в жертву счастье должен при-
нести...
О! не жалея о том! – прости, про-
сти!..»

Сказал, махнул рукой, и звук под-
ков
Раздался, в отдаленьи умирая.
Едва дыша, без слез, без дум, без
слов
Она стоит, бесчувственно вни-
мая,
Как будто этот дальний звук под-
ков
Всю будущность ее унес с собою.
О, Зара, Зара! Краткою мечтою
Ты дорожила; – где ж твоя меч-
та?
Как очи полны, как душа пуста!
Одно мгновенье тяжелей другого,
Всё, что прошло, ты оживляешь
снова!..
По целым дням она глядит туда,
Где скрылася любви ее звезда,
Везде, везде она его находит:
В вечерних тучах милый образ
бродит;
Услышав ночью топот, с ложа
сна
Вскочив, дрожит, и ждет его она,

*И постепенно ветром разноси-
мый
Всё ближе, ближе топот – и всё
мимо!
Так метеор порой летит на нас,
И ждешь – и близок он – и вдруг
погас!..*

Часть вторая

*High minds, of native pride and force,
Most deeply feel thy pangs, Remorse!
Fear, for their scourge, mean villains lave
Thou art the torturer of the brave!*
Marmion. S. Walter-Scott.[4]

1

*Шумит Аргуна мутною волной;
Она коры не знает ледяной,
Цепей зимы и хлада не боится;
Серебряной покрыта пеленой,
Она сама между снегов родится,
И там, где даже серна не про-
мчится,
Дитя природы, с детской просто-
той,
Она, резвясь, играет и катится!
Порою, как согнутое стекло,
Меж длинных трав прозрачно и
светло
По гладким камням в бездну нис-
падая,
Теряется во мраке, и над ней
С прощальным воркованьем вет-*

ся стая
Пугливых, сизых, вольных голу-
бей...
Зеленым можжевельником по-
крыты
Над мрачной бездной гробовые
плиты
Висят и ждут, когда замолкнет
вой,
Чтобы упасть и всё покрыть со-
бой.
Напрасно ждут они! волна не
дремлет.
Пусть темнота кругом ее объем-
лет,
Прорвет Аргуна землю где-нибудь
И снова полетит в далекий путь!

На берегу ее кипучих вод
Недавно новый изгнанный народ
Аул построил свой, – и ждал
мгновенье,
Когда свершить придуманное
мщенье;
Черкес готовил дерзостный на-
бег,
Союзники собирались потаенно,
И умный князь, лукавый Рослам-
бек,
Склонялся перед русскими сми-
ренно,
А между тем с отважною тол-
пой
Станицы разорял во тьме ноч-
ной;
И, возвратясь в аул, на пир крова-
вый
Он пленников дрожащих приво-
дил,
И уверял их в дружбе, и шутил,
И головы рубил им для забавы.

Легко народом править, если он
Одною общей страстью увлечен;
Не должно только слишком за-
влекаться,
Пред ним гордиться или с ним
равняться
Не должно мыслей открывать
своих,
Иль спрашивать у подданных со-
вета,
И забывать, что лучше гор зла-
тых
Иному ласка и слова привета!
Старайся первым быть везде, все-
гда;
Не забывайся, будь в пирах умерен,
Не трогай суеверий никогда
И сам с толпой умей быть суеве-
рен;
Страшись сначала много успе-
вать,
Страшись народ к победам при-
учать,
Чтоб в слабости своей он призна-
вался,

Чтоб каждый миг в спасителе
нуждался,
Чтоб он тебя не сравнивал ни с
кем
И почитал нуждою – принужде-
нья;
Умей отважно пользоваться
всем,
И не проси никак вознагражденья!
Народ ребенок: он не хочет дать,
Не покушайся вырвать, – но
украдь!

4

У Росламбека брат когда-то был:
О нем жалеют шайки удалые;
Отцом в Россию послан Измаил,
И их надежду отняла Россия.
Четырнадцать лет оставил он
Края, где был воспитан и рожден,
Чтоб знать законы и права чу-
жие!
Не под персидским шелковым ков-
ром
Родился Измаил; не песнью неж-
ной
Он усыплен был в сумраке ноч-

ном:

Его баюкал бури вой мятежный!
Когда он в первый раз открыл глаза,
Его улыбку встретила гроза!
В пещере темной, где, гонимый
братом,
Убийцею коварным, Бей-Булатом,
Его отец таился много лет,
Изгнанник новый, он увидел свет!

5

Как лишний меж людьми, своим
рожден
Он душу не обрадовал ничью,
И, хоть невинный, начал жизнь
свою,
Как многие кончают, преступле-
нием.
Он материнской ласки не знавал:
Не у груди, под буркою согретый,
Один провел младенческие леты:
И ветер колыбель его качал,
И месяц полуночи с ним играл!
Он вырос меж землей и небесами,
Не зная принужденья и забот;
Привык он тучи видеть под нога-

ми,
А над собой один лазурный свод;
И лишь орлы да скалы величавы
С ним разделяли юные забавы.
Он для великих создан был стра-
стей,
Он обладал пылающей душою,
И бури юга отразились в ней
Со всей своей ужасной красотой!..
Но к русским послан он своим от-
цом,
И с той поры известья нет об
нем...

6

Горой от солнца заслоненный,
Приют изгнанников смиренный,
Между кизиловых деревьев
Аул рассыпан над рекою;
Стоит отдельно каждый кров,
В тени под дымной пеленою.
Здесь в летний день, в полдневный
жар,
Когда с камней восходит пар,
Толпа детей в траве играет,
Черкес усталый отдыхает;
Меж тем сидит его жена

С работой в сакле одиноко,
И песню грустную она
Поет о родине далекой:
И облака родных небес
В мечтаньях видит уж черкес!
Там луг душистей, день светлее!
Роса перловая свежее;
Там разноцветною дугой,
Развеселясь, нередко дивы
На тучах строят мост красивый,
Чтоб от одной скалы к другой
Пройти воздушною тропой;
Там в первый раз, еще несмелый,
На лук накладывал он стрелы...

7

Дни мчатся. Начался байран.
Везде веселье, ликованья;
Мулла оставил алкоран,
И не слышать его призыванья;
Мечеть кругом освещена;
Всю ночь над хладными скалами
Огни краснеют за огнями,
Как над земными облаками
Земные звезды; – но луна,
Когда на землю взор наводит,
Себе соперниц не находит,

*И, одинокая, она
По небесам в сияньи бродит!*

8

*Уж скачка кончена давно;
Стрельба затихнула: – темно.
Вокруг огня, певцу внимая,
Столпилась юность удалая,
И старики седые в ряд
С немым вниманием стоят.
На сером камне, безоружен,
Сидит неведомый пришлец.
Наряд войны ему не нужен;
Он горд и беден: – он певец!
Дитя степей, любимец неба,
Без злата он, но не без хлеба.
Вот начинается: три струны
Уж забренчали под рукою,
И, живо, с дикой простотою
Запел он песню старины.*

Черкесская песня

*Много дев у нас в горах;
Ночь и звезды в их очах;
С ними жить завидна доля,
Но еще милее воля!
Не женися, молодец,
Слушайся меня:
На те деньги, молодец,
Ты купи коня!*

* * *

*Кто жениться захотел,
Тот худой избрал удел,
С русским в бой он не поскачет:
Отчего? – жена заплачет!
Не женися, молодец,
Слушайся меня:
На те деньги, молодец,
Ты купи коня!*

* * *

*Не изменит добрый конь:
С ним – и в воду и в огонь;
Он, как вихрь, в степи широкой,
С ним – всё близко, что далеко.*

*Не женися, молодец,
Слушайся меня:
На те деньги, молодец,
Ты купи коня!*

10

*Откуда шум? Кто эти двое?
Толпа в молчаньи раздалась.
Нахмуря бровь, подходит князь.
И рядом с ним лицо чужое.
Три узденя за ними вслед.
«Велик Алла и Магомет! —
Воскликнул князь. — Сама могила
Покорна им! в стране чужой
Мой брат храним был их рукой:
Вы узнаете ль Измаила?
Между врагами он возрос,
Но не признал он их святыни,
И в наши синие пустыни
Одну лишь ненависть принес!»*

И по долине восклицанья
Восторга дикого гремят;
Благословляя час свиданья,
Вкруг Измаила стар и млад
Теснятся, шепчут; поднимая
На плечи маленьких ребят,
Их жены смуглые, зевая,
На князя нового глядят.
Где ж Росламбек, кумир народа?
Где тот, кем славится свобода?
Один, забыт, перед огнем,
Поодаль, с пасмурным челом,
Стоял он, жертва злой досады.
Давно ли привлекал он сам
Все помышления, все взгляды?
Давно ли по его следам
Вся эта чернь шумя бежала?
Давно ль, дивясь его делам,
Их мать ребенку повторяла?
И что же вышло? – Измаил,
Врагов отечества слугитель,
Всю эту славу погубил
Своим приездом? – и властитель,
Вчерашний гордый полубог,
Вниманья черни бестолковой

К себе привлечь уже не мог!
Ей всё пленительно, что ново!
«Простынет!» – мыслит Росла-
мбек.

Но если злобный человек
Узнал уж зависть, то не может
Совсем забыть ее никак;
Ее насмешливый призрак
И днем и ночью дух тревожит.

12

Война!.. знакомый людям звук
С тех пор, как брат от братних
рук
Пред алтарем погиб невинно...
Гремя, через Кавказ пустынный
Промчался клик: война! война!
И пробудились племена.
На смерть идут они охотно.
Умолк аул, где беззаботно
Недавно слушали певца;
Оружья звон, движенье стана:
Вот ныне песни молодца,
Вот удовольствия байрана!..
«Смотри, как всякий биться рад
За дело чести и свободы!..
Так точно было в наши годы,

Когда нас вел Ахмат-Булат!»
С улыбкой гордою шептали
Между собою старики,
Когда дорогой наблюдали
Отважных юношей полки;
Пора! кипят они досадой, —
Что русских нет? – им крови на-
до!

13

Зима проходит; облака
Светлей летят по дальним сво-
дам,
В реке глядятся мимоходом;
Но с гордым бешенством река,
Крутясь, как змей, не отвечает
Улыбке неба своего;
И белых путников его
Меж тем упорно обгоняет.
И ровны, прямы, как стена,
По берегам темнеют горы;
Их крутизна, их вышина
Пленяют ум, пугают взоры.
К вершинам их прицеплена
Нагими красными корнями,
Кой-где кудрявая сосна
Стоит печальна и одна,

И часто мрачными мечтами
Тревожит сердце: так порой
Властитель, полубог земной,
На пышном троне, окруженный
Льстецов толпою униженной,
Грустит о том, что одному
На свете равных нет ему!

14

Завоевателю преграда
Положена в долине той;
Из камней и деревьев громада
Аргуну давит под собой.
К аулу нет пути иного;
И мыслят горцы: «Враг лихой!
Тебе могила уж готова!»
Но прямо враг идет на них,
И блеск орудий громовых
Далеко сквозь туман играет.
И Росламбек совет сзывает;
Он говорит: «В тиши ночной
Мы нападём на их отряды,
Как упадают водопады
В долину сонную весной...
Погибнут молча наши гости,
И их разбросанные кости,
Добыча вранов и волков,

*Сгниют лишенные гробов.
Меж тем с боязнию лукавой
Начнем о мире договор,
И в тайне местию кровавой
Омоем долгий наш позор».*

15

*Согласны все на подвиг ратный,
Но не согласен Измаил.
Взмахнул он шашкою булатной
И шумно с места он вскочил;
Окинул вмиг летучим взглядом
Он узденей, сидевших рядом,
И, опустивши свой булат,
Так отвечает брату брат:
«Я не разбойник потаенный;
Я видеть, видеть кровь люблю;
Хочу, чтоб мною пораженный
Знал руку грозную мою!
Как ты, я русских ненавижу,
И даже более, чем ты;
Но под покровом темноты
Я чести князя не унижу!
Иную месть родной стране,
Иную славу надо мне!..»
И поединка ожидали
Меж братьев молча уздени;*

Не смели тронуться они.
Он вышел – все еще молчали!..

16

Ужасна ты, гора Шайтан,
Пустыни старый великан;
Тебя злой дух, гласит преданье,
Построил дерзостной рукой,
Чтоб хоть на миг свое изгнание
Забить меж небом и землей.
Здесь три столетья очарован,
Он тяжелой цепью был прикован,
Когда надменный с новых скал
Стрелой пророку угрожал.
Как буркой, ельником покрыта,
Соседних гор она черней.
Тропинка желтая прорыта
Слезой отчаянья по ней;
Она ни мохом, ни кустами
Не зарастает никогда;
Пестрея чудными следами,
Она ведет... бог весть куда?
Олень с ветвистыми рогами,
Между высокими цветами,
Одетый хмелем и плющом,
Лежит полубьятый сном;
И вдруг знакомый лай он слышит

И чует близкого врага:
Поднявши медленно рога,
Минуту свежестью подышит,
Росу с могучих плеч стряхнет,
И вдруг одним прыжком махнет
Через утес; и вот он мчится,
Тернов колючих не боится
И хмель коварный грудью рвет:
Но, вольный путь пересекая,
Пред ним тропинка роковая...
Никем незримая рука
Царя лесов останавливает,
И он, как гибель ни близка,
Свой прежний путь не продолжа-
ет!..

17

Кто ж под ужасною горой
Зажег огонь сторожевой?
Треща, краснея и сверкая,
Кусты вокруг он озарил.
На камень голову склоняя,
Лежит поодаль Измаил:
Его приверженцы хотели
Идти за ним – но не посмели!

18

Вот что ему родной готовил
край?
Сбылись мечты! увидел он свой
рай,
Где мир так юн, природа так бо-
гата,
Но люди, люди... что природа им?
Едва успел обнять изгнанник бра-
та,
Уж клевета и зависть – всё над
ним!
Друзей улыбка, нежное свиданье,
За что б другой творца благода-
рил,

*Всё то ему дается в наказанье;
Но для терпенья ль создан Изма-
ил?*

*Бывают люди: чувства – им стра-
данья;*

*Причуда злой судьбы – их бытие;
Чтоб самовластье показать свое,*

*Она порой кидает их меж нами;
Так, древле, в море кинул царь ал-
маз,*

*Но гордый камень в свой урочный
час*

Ему обратно отдан был волнами!

И детям рока места в мире нет;

Они его пугают жизнью новой,

*Они блеснут – и сгладится их
след,*

*Как в темной туче след стрелы
громовой.*

Толпа дивится часто их уму,

Но чаще обвиняет, потому,

*Что в море бед, как вихри их ни
носят,*

Они пособий от рабов не просят;

*Хотят их превзойти, в добре и
зле,*

И власти знак на гордом их челе.

«Бессмысленный! зачем отвергнул ты
Слова любви, моления красоты?
Зачем, когда так долго с ней сражался,
Своей судьбы ты детски испугался?
Всё прежнее, неизвестный молвой,
Ты б мог забыть близ Зары молодой,
Забыть людей близ ангела в пустыне,
Ты б мог любить, но не хотел! – и ныне
Картины счастья живо перед тобой
Проходят укоряющей толпой;
Ты жмешь ей руку, грудь ее <и> плечи
Целуешь в упоенье; ласки, речи,
Исполненные счастья и любви,
Ты чувствуешь, ты слышишь; образ милый,
Волшебный взор – всё перед тобой,
как было

Еще недавно; все мечты твои
Так вероятны, что душа боится,
Не веря им, вторично ошибиться!
А чем ты это счастье заменил?»
Перед огнем так думал Измаил.
Вдруг выстрел, два и много! – он
вскочил
И слушает, – но всё утихло снова.
И говорит он: «Это сон больно-
го!»

20

Души волнением утомлен,
Опять на землю князь ложится;
Трещит огонь, и дым клубится, —
И что же? – призрак видит он!
Перед огнем стоит спокойен,
На саблю опершись рукой,
В фуражке белой русский воин,
Печальный, бледный и худой.
Спросить хотелось Измаилу,
Зачем оставил он могилу!
И свет дрожащего огня,
Упав на смуглые ланиты,
Черкесу придал вид сердитый:
«Чего ты хочешь от меня?» —
«Гостеприимства и защиты! —

Пришлец бесстрашно отвечал, —
Свой путь в горах я потерял,
Черкесы вслед за мной спешили
И казаков моих убили,
И верный конь под мною пал!
Спаси, убить врага ночного
Равно ты можешь! не боюсь
Я смерти: грудь моя готова.
Твоей я чести предаюсь!» —
«Ты прав; на честь мою надейся!
Вот мой огонь: садись и грейся».

21

Тиха, прозрачна ночь была,
Светила на небе блистали,
Луна за облаком спала,
Но люди ей не подражали.
Перед огнем враги сидят,
Хранят молчанье и не спят.
Черты пришельца возбуждали
У князя новые мечты,
Они ему напоминали
Давно знакомые черты;
То не игра воображенья.
Он должен разрешить сомненья...
И так пришельцу говорил
Нетерпеливый Измаил:

«Ты молод, вижу я! за славой
Привыкнув гнаться, ты забыл,
Что славы нет в войне кровавой
С необразованной толпой!
За что завистливой рукой
Вы возмутили нашу долю?
За то, что бедны мы, и волю
И степь свою не отдадим
За злато роскоши нарядной;
За то, что мы боготворим,
Что презираете вы хладно!
Не бойся, говори смелей:
Зачем ты нас возненавидел,
Какою грубостью своей
Простой народ тебя обидел?»

*«Ты ошибаешься, черкес! —
С улыбкой русский отвечает, —
Поверь: меня, как вас, пленяет
И водопад, и темный лес;
С восторгом ваши льды я вижу,
Встречая пышную зарю,
И ваше племя я люблю:
Но одного я ненавижу!
Черкес он родом, не душой,
Ни в чем, ни в чем не схож с то-
бой!
Себе иль князю Измаилу
Клялся я здесь найти могилу...
К чему опять ты мрачный взор
Мохнатой шапкой закрываешь?
Твое молчанье мне укор;
Но выслушай, ты всё узнаешь...
И сам досадой запылаешь...*

«Ты знаешь, верно, что служил
В российском войске Измаил;
Но, образованный, меж нами
Родными бредил он полями,
И всё черкес в нем виден был.
В пирах и битвах отличался
Он перед всеми! томный взгляд
Восточной негой отзывался:
Для наших женщин он был яд!
Воспламенив их воображенье,
Повелевал он без труда
И за проступок наслажденье
Не почитал он никогда;
Не знаю – было то презренье
К законам стороны чужой
Или испорченные чувства!..
Любовью женщин, их тоской
Он веселился как игрой;
Но избежать его искусства
Не удалось ни одной.

«Черкес! видал я здесь прекрасных
Свободы нежных дочерей,
Но не сравню их взоров страст-
ных
С приветом северных очей.
Ты не любил! – ни слов опасных,
Ни уст волшебных не знавал;
Кудрями девы золотыми
Ты в упоеньи не играл,
Ты клятвам страсти не внимал,
И не был ты обманут ими!
Но я любил! Судьба меня
Блестящей радугой манила,
Невольно к бездне подводила...
И ждал я счастливого дня!
Своей невестой дорогою
Я смел уж ангела назвать,
Невинным ласкам отвечать
И с райской девой забывать,
Что рая нет уж под луною.
И вдруг ударил страшный час,
Причина долголетней муки;
Призыв войны, отчизны глас,
Раздался вестником разлуки.
Как дым рассеялись мечты!

Тот день я буду помнить вечно...
Черкес! черкес! ни с кем, конечно,
Ни с кем не расставался ты!

25

«В то время Измаил случайно
Невесту увидал мою
И страстью запылал он тайно!
Меж тем как в дальнем я краю
Искал в боях конца иль славы,
Сластолюбивый и лукавый,
Он сердце девы молодой
Опутал сетью роковой.
Как он умел слезой притворной
К себе доверенность вселять!
Насмешкой – скромность побеж-
дать
И, побеждая, вид покорный
Хранить; иль весь огонь страстей
Мгновенно открывать пред ней!
Он очертил волшебным кругом
Ее желанья; ведал он,
Что быть не мог ее супругом,
Что разделял их наш закон,
И обольщенная упала
На грудь убийцы своего!
Кроме любви, она не знала,

Она не знала ничего...

26

*«Но скоро скуку пресыщенья
Постиг виновный Измаил!
Таитья не было терпенья,
Когда погас минутный пыл.
Оставил жертву обольститель
И удалился в край родной,
Забыл, что есть на небе мсти-
тель,
А на земле еще другой!
Моя рука его отыщет
В толпе, в лесах, в степи пустой,
И казни грозный меч просвищет
Над непреклонной головой;
Пусть лик одежда изменяет:
Не взор – душа врага узнает!*

«Черкес, ты понял, вижу я,
Как справедлива месть моя!
Уж на устах твоих проклятья!
Ты, внемля, вздрагивал не раз...
О, если б мог пересказать я,
Изобразить ужасный час,
Когда прелестное создание
Я в униженьи увидал
И безотчетное страданье
В глазах увядших прочитал!
Она рассудок потеряла;
Рядилась, пела <i> плясала,
Иль сидя молча у окна.
По целым дням, как бы не зная,
Что изменил он ей, вздыхая,
Ждала изменника она.
Вся жизнь погибшей девы милой
Остановилась на былом;
Ее безумье даже было
Любовь к нему и мысль об нем...
Какой душе не знал он цену!..» —
И долго русский говорил
Про месть, про счастье, про изме-
ну:
Его не слушал Измаил.

Лишь знает он да бог единый,
Что под спокойною личиной
Тогда происходило в нем.
Стеснив дыханье, вверх лицом
(Хоть сердце гордое и взгляды
Не ждали от небес отрады)
Лежал он на земле сырой,
Как та земля, и мрачный и
немой!

28

Видали ль вы, как хищные и злые,
К оставленному трупу в тихий
дол
Слетаются наследники земные,
Могильный ворон, коршун и орел?
Так есть мгновенья, краткие
мгновенья,
Когда, столпясь, все адские муче-
нья
Слетаются на сердце – и грызут!
Века печали стоят тех минут.
Лишь дунет вихрь – и сломится
лилея;
Таков с душой кто слабою рож-
ден,
Не вынесет минут подобных он:

Но мощный ум, крепясь и каменея,
Их превращает в пытку Прометей!
Не сгладит время их глубокий след:
Все в мире есть – забвенья только нет!

29

Светает. Горы снеговые
На небосклоне голубом
Зубцы подъемлют золотые;
Слилися с утренним лучом
Края волнистого тумана,
И на верху горы Шайтана
Огонь, стыдясь перед зарей,
Бледнеет – тихо приподнялся,
Как перед смертью больной,
Угрюмый князь с земли сырой.
Казалось, вспомнить он старался
Рассказ ужасный и желал
Себя уверить он, что спал;
Желал бы счесть он всё мечтою...
И по челу провел рукою;
Но грусть жестокий властелин!
С чела не сгладил он морщин.

Он встал, он хочет непременно
Пришельцу быть проводником.
Не зная думать что о нем,
Согласен юноша смущенный.
Идут они глухим путем,
Но их тревожит всё: то птица
Из-под ноги у них вспорхнет,
То краснобокая лисица
В кусты цветущие нырнет.
Они всё ниже, ниже сходят
И рук от сабель не отводят.
Через опасный переход
Спешат нагнувшись, без оглядки;
И вновь на холм крутой взошли,
И цепью русские палатки,
Как на ночлеге журавли,
Белеют смутно уж вдали!
Тогда черкес остановился,
За руку путника схватил,
И кто бы, кто не удивился?
По-русски с ним заговорил.

«Прощай! ты можешь безопасно
Теперь идти в шатры свои;
Но, если веришь мне, напрасно
Ты хочешь потопить в крови
Свою печаль! страшишься, быть мо-
жет,
Раскаянье прибавишь к ней.
Болезни этой не поможет
Ни кровь врага, ни речь друзей!
Напрасно здесь, в краю далеком,
Ты губишь прелесть юных дней;
Нет, не достать вражде твоей
Главы, постигнутой уж роком!
Он палачам судьей земных
Не уступает жертв своих!
Твоя б рука не устрашила
Того, кто борется с судьбой:
Ты худо знаешь Измаила;
Смотри ж, он здесь перед тобой!»
И с видом гордого презренья
Ответа князь не ожидал;
Он скрылся меж уступов скал —
И долго русский без движенья,
Один, как вкопанный, стоял.

*Меж тем, перед горой Шайтаном
Расположась военным станом,
Толпа черкесов удалых
Сидела вокруг огней своих;
Они любили Измаила,
С ним вместе слава иль могила,
Им всё равно! лишь только б с
ним!*

*Но не могла б судьба одним
И нежным чувством меж собою
Сковать людей с умом простым
И с беспокойною душою:
Их всех обидел Росламбек!
(Таков повсюду человек.)*

33

*Сидят наездники беспечно,
Курят турецкий свой табак
И князя ждут они: «Конечно,
Когда исчезнет ночи мрак,
Он к нам сойдет; и взор орлиный
Смирит враждебные дружины,
И вздрогнут перед ним они,
Как Росламбек и уздени!»
Так, песню воли напевая,
Шептала шайка удалая.*

34

*Безмолвно, грустно, в стороне,
Подняв глаза свои к луне,
Подруге дум любви мятежной,
Прекрасный юноша стоял, —
Цветок для смерти слишком
нежный!
Он также Измаила ждал,
Но не беспечно. Трепет тайный
Порывам сердца изменял,
И вздох тяжелый, не случайный,
Не раз из груди вылетал;
И он явился к Измаилу,*

Чтоб разделить с ним – хоть мо-
гилу!
Увы! такая ли рука
В куски изрубит казака?
Такой ли взор, стыдливый, скром-
ный,
Глядит на мир, чтоб видеть
кровь?
Зачем он здесь, и ночью темной,
Лицом прелестный, как любовь,
Один в кругу черкесов праздных,
Жестоких, буйных, безобразных?
Хотя страшился он сказать,
Нетрудно было б отгадать,
Когда б... но сердце, чем моложе,
Тем боязливее, тем строже
Хранит причину от людей
Своих надежд, своих страстей.
И тайна юного Селима,
Чуждаясь уст, ланит, очей,
От любопытных, как от змей,
В груди сокрылась невредима!

Часть третья

*She told nor whence, nor why she left
behind
Her all for one who seem'd but little kind.
Why did she love him? Curious fool! – be
still —
Is human love the growth of human will?..
Lara. – L. Byron.[5]*

1

*Какие степи, горы и моря
Оружью славян сопротивлялись?
И где веленью русского царя
Измена и вражда не покорялись?
Смирись, черкес! и запад и восток,
Быть может, скоро твой разде-
лит рок.
Настанет час – и скажешь сам
надменно
Пускай я раб, но раб царя вселен-
ной!
Настанет час – и новый грозный
Рим
Украсит Север Августом другим!*

Горят аулы; нет у них защиты,
Врагом сыны отечества разбиты,
И зарево, как вечный метеор,
Играя в облаках, пугает взор.
Как хищный зверь, в смиренную
обитель
Врывается штыками победи-
тель;
Он убивает старцев и детей,
Невинных дев и юных матерей
Ласкает он кровавою рукою,
Но жены гор не с женскою душою!
За поцелуем вслед звучит кин-
жал,
Отпрянул русский, – захрипел, – и
пал!
«Отмсти, товарищ!» – и в одно
мгновенье
(Достойное за смерть убийцы
мщенье!)
Простая сакля, веселя их взор,
Горит, – черкесской вольности ко-
стер!..

*В ауле дальнем Росламбек угрю-
мый
Сокрылся вновь, не ужасом объ-
ят;
Но у него коварные есть думы,
Им помешать теперь не может
брат.
Где ж Измаил? – безвестными го-
рами
Блуждает он, дерется с казака-
ми,
И, заманив полки их за собой,
Пустыню усыпает их костями,
И манит новых по дороге той.
За ним устали русские гоняться,
На крепости природные взбираться;
Но отдохнуть черкесы не дадут;
То скроются, то снова нападут.
Они, как тень, как дымное виде-
нье,
И далеко и близко в то ж мгнове-
нье.*

*Но в бурях битв не думал Измаил.
Сыскать самозабвенья и покоя.
Не за отчизну, за друзей он
мстил, —
И не пленялся именем героя;
Он ведал цену почестей и слов,
Изобретенных только для глуп-
цов!
Недолгий жар погас! душой уста-
лый,
Его бы не желал он воскресить;
И не родной аул, – родные скалы
Решился он от русских защи-
тить!*

Садится день, одетый мглою,
Как за прозрачной пеленою...
Ни ветра на земле, ни туч
На бледном своде! чуть примет-
но
Орла на вышине бесцветной;
Меж скал блуждая, желтый луч
В пещеру дикую прокрался
И гладкий череп озарил,
И сам на жителе могил
Перед кончиной разыгрался,
И по разбросанным костям,
Травой поросшим, здесь и там
Скользнул огнистой полосой,
Дивясь их вечному покою.
Но прежде встретил он двоих
Недвижных также, – но живых...
И, как немые жертвы гроба,
Они беспечны были оба!

*Один... так точно! – Измаил!
Безвестной думой угнетаем,
Он солнце тусклое следил,
Как мы нередко провождаем
Гостей докучливых; на нем
Черкесский панцырь и шелом,
И пятна крови омрачали
Местами блеск военной стали.
Младую голову Селим
Вождю склоняет на колени;
Он всюду следует за ним,
Хранительной подобно тени;
Никто ни ропота, ни пени
Не слышал на его устах...
Боится он или устанет,
На Измаила только взглянет —
И весел труд ему и страх!*

Он спит, – и длинные ресницы
Закрыли очи под собой;
В ланитах кровь, как у девицы,
Играет розовой струёй;
И на кольчуге боевой
Ему не жестко. С сожаленьем
На эти нежные черты
Взирает витязь, и мечты
Его исполнены мученьем:
«Так светлой каплею роса,
Оставляя край свой, небеса,
На лист увядший упадет;
Блестящая райским жемчугом,
Она покоится на нем,
И, беззаботная, не знает,
Что скоро лист увядший тот
Пожнет коса иль конь сомнет!»

С полуоткрытыми устами,
Прохладой вечера дыша,
Он спит; но мирная душа
Взволнована! полусловами
Он с кем-то говорит во сне!
Услышал князь и удивился;
К устам Селима в тишине
Прилежным ухом он склонился:
Быть может, через этот сон
Его судьбу узнает он...
«Ты мог забыть? – любви не нужно
Одной лишь нежности наружной...
Оставь же!» – сонный говорил.
«Кого оставить?» – князь спросил.
Селим умолк, но на мгновенье;
Он продолжал: «К чему сомненье?
На всем лежит его презренье...
Увы! что значат перед ним
Простая дева иль Селим?
Так будет вечно между нами...
Зачем бесценными устами
Он это имя освятил?»
«Не я ль?» – подумал Измаил.

И, погодя, он слышит снова:
«Ужасно, боже! для детей
Проклятие отца родного,
Когда на склоне поздних дней
Оставлен ими... но страшной
Его слеза!..» Еще два слова
Селим сказал, и слабый стон
Вдруг поднял грудь, как стон про-
щанья,
И улетел. – Из состраданья
Князь прерывает тяжкий сон.

9

И вздрогнув, юноша проснулся,
Взглянул вокруг и улыбнулся,
Когда он ясно увидал,
Что на коленях друга спал.
Но, покрасневши, сновиденье
Пересказать стыдился он,
Как будто бы лукавый сон
Имел с судьбой его сношенье.
Не отвечая на вопрос
(Примета явная печали),
Щипал он листья диких роз,
И, наконец, две капли слез
В очах склоненных заблестали;
И, с быстротой отворотясь,

Он слезы осушил рукою...
Всё примечал, всё видел князь;
Но не смутился он душою
И приписал он простоте,
Затеям детским слезы те.
Конечно, сам давно не знал он
Печалей сладостных любви?
И сам давно не предавал он
Слезам страдания свои?

10

Не знаю!.. но в других он чувства
Судить отвык уж по своим.
Не раз, личиною искусства,
Слезой и сердцем ледяным,
Когда обманов сам чуждался,
Обманут был он; – и боялся
Он верить, только потому,
Что верил некогда всему!
И презирал он этот мир ничтож-
ный,
Где жизнь – измен взаимных веч-
ный ряд;
Где радость и печаль – всё призрак
ложный!
Где память о добре и зле – всё яд!
Где льстит нам зло, но более

тревожит;
Где сердца утешать добро не может;
И где они, покорствуя страстям,
Раскаянье одно приносят нам...

11

Селим встает, на гору всходит.
Сребристый стелется ковыль
Вокруг пещеры; сумрак бродит
Вдали... вот топот! вот и пыль,
Желтея, поднялась в лощине!
И крик черкесов по заре
Гудит, теряясь в пустыне!
Селим всё слышал на горе;
Стремглав, в пещеру он вбегает:
«Они! они!» он восклицает,
И князя нежною рукой
Влечет он быстро за собой.
Вот первый всадник показался;
Он, мнилось, из земли родился,
Когда въезжал на холм крутой;
За ним другой, еще другой,
И вереницею тянулись
Они по узкому пути:
Там, если б два коня столкнулись,
Назад бы оба не вернулись

И не могли б вперед идти.

12

*Толпа джигитов[6] удалая,
Перед горой остановясь,
С коней измученных слезая,
Шумит. – Но к ним подходит
князь,
И всё утихло! уваженье
В их выразительных чертах;
Но уважение – не страх;
Не власть его основа – мненье!
«Какие вести?» – Русский стан
Пришел к Осаевскому Полю,
Им льстит и бедность наших
стран!
Их много! – «Кто не любит во-
лю?»
Молчат. – «Так дайте ж отдох-
нуть
Своим коням; с зарею в путь.
В бою мы ради лечь костями;
Чего <же> лучшего нам ждать?
Но в цвете жизни умирать...
Селим, ты не поедешь с нами!..»*

Бледнеет юноша, и взор
Понятно выразил укор: —
«Нет, – говорит он, – я повсюду,
В изгнание, в битве спутник твой;
Нет, клятвы я не позабуду —
Угаснуть или жить с тобой!
Не робок я под свистом пули,
Ты видел это, Измаил;
Меня враги не ужаснули,
Когда ты, князь, со мною был!
И с твоего чела не я ли
Смывал так часто пыль и кровь?
Когда друзья твои бежали,
Чьи речи, ласки прогоняли
Суровый мрак твоей печали?
Мои слова! моя любовь!
Возьми, возьми меня с собою!
Ты знаешь, я владеть стрелою
Могу... И что мне смерть? – о,
нет!
Красой и счастьем юных лет
Моя душа не дорожила;
Всё, всё оставляю, жизнь и свет,
Но не оставлю Измаила!»

14

*Взглянул на небо молча князь,
И, наконец, отворотясь,
Он протянул Селиму руку;
И крепко тот ее пожал
За то, что смерть, а не разлуку
Печальный знак сей обещал!
И долго витязь так стоял;
И под нависшими бровями
Блеснуло что-то; и слезами
Я мог бы этот блеск назвать,
Когда б не скрылся он опять!..*

15

*По косогору ходят кони;
Колчаны, ружья, седла, брони
В пещеру на ночь снесены;
Огни у входа зажжены;
На князе яркая кольчуга
Блестит краснея; погружен
В мечтанье горестное он;
И от страстей, как от недуга,
Бежит спокойствие и сон.
И говорит Селим: «Наверно,
Тебя терзает дух пещерный!*

Дай песню я тебе спою;
Нередко дева молодая
Ее поет в моем краю,
На битву друга отпуская!
Она печальна; но другой
Я не слыхал в стране родной.
Ее певала мать родная
Над колыбелию моей,
Ты, слушая, забудешь муки,
И на глаза навеют звуки
Все сновиденья детских дней!»
Селим запел, и ночь кругом вни-
мает,
И песню ей пустыня повторяет:

Песня Селима

Месяц плывет
И тих и спокоен;
А юноша-воин
На битву идет.
Ружье заряжает джигит,
И дева ему говорит:

«Мой милый, смелее
Вверяйся ты року,
Молися востоку,
Будь верен пророку,
Любви будь вернее!

«Всегда награжден,
Кто любит до гроба,
Ни зависть, ни злоба
Ему не закон;
Пускай его смерть и погубит;
Один не погибнет, кто любит!»

«Любви изменивший
Изменой кровавой,
Врага не сразивши,
Погибнет без славы;
Дожди его ран не обмоют,
И звери костей не заруют!»

Месяц плывет
И тих и спокоен;
А юноша-воин
На битву идет!

«Прочь эту песню! – как безумный
Воскликнул князь, – зачем упрек?..
Тебя ль послушает пророк?..
Там, облит кровью, в битве шум-
ной
Твои слова я заглушу,
И разорву ее оковы...
И память в сердце удушю!..
Вставайте! – как? – вы не гото-

вы?..

Прочь песни! – крови мне!.. пора!..

Друзья! коней!.. вы не слышали...

Удары, топот, визг ядра,

И крик, и треск разбитой стали?..

Я слышал!.. О, не пой, не пой!

Тронь сердце, как дрожит, и что же?

Ты недовольна?.. боже! боже!..

Зачем казнить ее рукой?..»

Так речь его оторвалась

От бледных уст и пронеслася

Невнятно, как далекий гром.

Неровным, трепетным огнем

До половины освещенный,

Ужасен, с шашкой обнаженной

Стоял недвижим Измаил,

Как призрак злой, от сна могил

Волшебным словом пробужденный;

Он взор всей силой устремил

В пустую степь, грозил рукою,

Чему-то страшному грозил:

Иначе, как бы Измаил

Смутиться твердой мог душою?

И понял наконец Селим,

Что витязь говорил не с ним!

Неосторожный! он коснулся

*Душевных струн, – и звук проснул-
ся,
Расторгнув хладную тюрьму...
И сам искусству своему
Селим невольно ужаснулся!*

16

*Толпа садится на коней;
При свете гаснувших огней
Мелькают сумрачные лица.
Так опоздавшая станица
Пустынных белых журавлей
Вдруг поднимается с полей...
Смех, клики, ропот, стук и ржа-
нье!
Всё дышит буйством и войной!
Во всем приличия незнанье,
Отвага дерзости слепой.*

Светлеет небо полосами;
Заря меж синими рядами
Ревнивых туч уж занялась.
Вдоль по лощине едет князь,
За ним черкесы цепью длинной.
Признаться: конь по седоку!
Бежит, и будто ветер пустынный,
Скользкий шумно по песку,
Крутится, вьется на скаку;
Он бел, как снег: во мраке ночи
Его заметить могут очи.
С колчаном звонким за спиной,
Отягощен своим нарядом,
Селим проворный едет рядом
На кобылице вороной.
Так белый облак, в полдень зной-
ный,
Плывет отважно и спокойно,
И вдруг по тверди голубой
Отрывок тучи громовой,
Грозы дыханием гонимый,
Как черный лоскут мчится ми-
мо;
Но как ни бейся, в вышине
Он с тем не станет наравне!

*Уж близко роковое поле.
Кому-то пасть решит судьба?
Вдруг им послышалась стрельба;
И каждый миг всё боле, боле,
И пушки голос громовой
Раздался скоро за горой.
И вспыхнул князь, махнул рукою:
«Вперед! – воскликнул он, – за
мною!»
Сказал и бросил повода.
Нет! так прекрасен никогда
Он не казался! повелитель,
Герой по взорам и речам,
Летел к опасным он врагам,
Летел, как ангел-истребитель;
И в этот миг, скажи, Селим,
Кто б не последовал за ним?*

Меж тем с беспечною отвагой
Отряд могучих казаков
Гнался за малою ватагой
Неустрасимых удальцов;
Всю эту ночь они блуждали
Вкруг неприязненных шатров;
Их часовые увидали,
И пушка грянула по ним,
И казаки спешат навстречу!
Едва с отчаяньем немым
Они поддерживали сечу,
Стыдясь и в бегстве показать,
Что смерть их может испугать.
Их круг тесней уж становился;
Один под саблю свалился,
Другой, пробитый в грудь свин-
цом,
Был в поле унесен конем,
И, мертвый, на седле всё бился!..
Оружье брось, надежды нет,
Черкес! читай свои молитвы!
В крови твой шелковый бешимет,
Тебе другой не видеть битвы!
Вдруг пыль! и крик! – он им зна-
ком:

*То крик родной, не бесполезный!
Глядят и видят: над холмом
Стоит их князь в броне желез-
ной!..*

20

*Недолго Измаил стоял:
Вздохнуть коню он только дал,
Взглянул, и ринулся, и смял
Врагов, и путь за ним кровавый
Меж их рядами виден стал!
Везде, налево и направо,
Чертя по воздуху круги,
Удары шашки упадают;
Не видят блеск ее враги
И беззащитно умирают!
Как юный лев, разгорячась,
В средину их врубился князь;
Кругом свистят и реют пули;
Но что ж? его хранит пророк!
Шелом удары не согнули,
И худо метится стрелок.
За ним, погибель рассыная,
Вломилась шайка удалая,
И чрез минуту шумный бой
Рассыпался в долине той...*

Далеко от сраженья, меж кустов,
Питомец смелый трамских та-
бунов,
Расседланный, хладея постепенно,
Лежал издохший конь; и перед
ним,
Участием исполненный живым,
Стоял черкес, соратника лишен-
ный;
Крестом сжав руки и кидая
взгляд
Завистливый туда, на поле боя,
Он проклинать судьбу свою был
рад;
Его печаль – была печаль героя!
И весь в поту, усталостью то-
мим,
К нему в испуге подскакал Селим
(Он лук не напрягал еще, и стрелы
Все до одной в колчане были це-
лы).

«Беда! – сказал он, – князя не видеть!
Куда он скрылся?» – «Если хочешь знать,
Взгляни туда, где бранный дым краснее,
Где гуще пыль и смерти крик сильнее,
Где кровью облит мертвый и живой,
Где в бегстве нет надежды никакой:
Он там! – смотри: летит как с неба пламя;
Его шишак и конь, – вот наше знамя!
Он там! – как дух, разит и невредим,
И всё бежит иль падает пред ним!»
Так отвечал Селиму сын природы
—
А лесть была чужда степеней свободы!..

Кто этот русский? с саблею в руке,
В фуражке белой? страха он не знает!
Он между всех отличен вдалеке,
И казаков примером ободряет;
Он ищет Измаила – и нашел,
И вынул пистолет свой, и навел,
И выстрелил! – напрасно! – обманулся
Его свинец! – но выстрел роковой
Услышал князь, и мигом обернулся,
И задрожал: «Ты вновь передо мной!
Свидетель бог: не я тому виной!..»

Воскликнул он, и шашка зазвенела,
И, отделясь от трепетного тела,
Как зрелый плод от ветки молодой,
Скатилась голова; – и конь ретивый,
Встав на дыбы, заржал, мотая

гривой,
И скоро обезглавленный седок
Свалился на растоптанный песок.
Не долго это сердце увядало,
И мир ему! – в единый миг оно
Любить и ненавидеть перестало:
Не всем такое счастье суждено!

24

Всё жарче бой; главы валяются
Под взмахом княжеской руки;
Спасая дни свои, теснятся,
Бегут в расстройстве казаки!
Как злые духи, горцы мчатся
С победным воем им вослед,
И никому пощады нет!
Но что ж? победа изменила!
Раздался вдруг нежданный гром,
Всё в дыме скрылося густом;
И пред глазами Измаила
На землю с бешеных коней
Кровавой грудой костей
Свалился ряд его друзей.
Как град посыпалась картеча;
Пальбу услышав издалеча,
Направля синие штыки,
Спешат ширванские полки.

Навстречу гибельному строю
Один, с отчаянной душою,
Хотел пуститься Измаил;
Но за повод коня схватил
Черкес, и в горы за собою,
Как ни противился седок,
Коня могучего увлек.
И ни малейшего движенья
Среди всеобщего смятенья
Не упустил молодой Селим;
Он бегство князя примечает!
Удар судьбы благословляет,
И быстро следует за ним.
Не стыд, – но горькая досада
Героя медленно грызет:
Жизнь побежденным не награда!
Он на друзей не кинул взгляда,
И, мнится, их не узнает.

Чем реже нас балует счастье,
Тем слаще предаваться нам
Предположеньям и мечтам.
Родится ль тайное пристрастие
К другому миру, хоть и там
Судьбы приметно самовластие,
Мы всё свободнее дарим
Ему надежды и желанья;
И украшаем, как хотим,
Свои воздушные созданья!
Когда забота и печаль
Покой душевный возмущают,
Мы забываем свет, и вдаль
Душа и мысли улетают,
И ловят сны, в которых нет
Следов и теней прежних лет.
Но ум, сомненьем охлажденный
И спорить с роком приученный,
Не усладить, не позабыть
Свои страдания желает;
И если иногда мечтает,
То он мечтает победить!
И, зная собственную силу,
Пока не сбросит прах в могилу,
Он не оставит гордых дум...

Такой непобедимый ум
Природой дан был Измаилу!

26

Он ранен, кровь его течет;
А он не чувствует, не слышит;
В опасный путь его несет
Ретивый конь, храпит и пышет!
Один Селим не отстает.
За гриву ухватясь руками,
Едва сидит он на седле;
Боязни бледность на челе;
Он очи полные слезами
Порой кидает на того,
Кто всё на свете для него,
Кому надежду жизни милой
Готов он в жертву принести,
И чье последнее «прости»
Его бы с жизнью разлучило!
Будь перед миром он злодей,
Что для любви слова людей?
Что ей небес определенье?
Нет! охладить любовь гоненье
Еще ни разу не могло;
Она сама свое добро и зло!

Умолк докучный крик погони;
Дымясь и в пене скачут кони
Между провалом и горой,
Кремнистой, тесною тропой;
Они дорогу знают сами
И презирают седока,
И бесполезная рука
Уж не владеет поводами.
Направо темные кусты
Висят, за шапки задевая,
И с неприступной высоты
На новых путников взирая;
Чернеет серна молодая;
Налево – пропасть; по краям
Ряд красных камней, здесь и там
Всегда обрушиться готовый.
Никем неведомый поток
Внизу, свиреп и одинок,
Как тигр Америки суровой,
Бежит гремучею волной;
То блещет бахромой перловой,
То изумрудною каймой;
Как две семьи – враждебный ге-
ний.
Два гребня разделяет он.

*Вдали на синий небосклон
Нагих, бесплодных гор ступени
Ведут желание и взгляд
Сквозь облака, которых тени
По ним мелькают и спешат;
Сменяя в зависти друг друга,
Они бегут вперед, назад,
И мнится, что под солнцем юга
В них страсти южные кипят!*

28

*Уж полдень. Измаил слабеет;
Пылает солнце высоко.
Но есть надежда! дым синее,
Родной аул недалеко...
Там, где, кустарником покрыты,
Встают красивые граниты
Каким-то пасмурным венцом,
Есть поворот и путь, прорытый
Арбы скрипучим колесом.
Оттуда кровы земляные,
Мечеть, белеющий забор,
Аргуны воды голубые,
Как под ногами, встретит взор!
Достигнут поворот желанный;
Вот и венец горы туманной;
Вот слышен речки рев глухой;*

*И белый конь сильней рванулся...
Но вдруг переднюю ногой
Он оступился, спотыкнулся.
И на скаку, между камней,
Упал всей тягостью своей.*

29

*И всадник, кровью истекая,
Лежал без чувства на земле;
В устах неподвижность гробовая,
И бледность муки на челе;
Казалось, час его кончины
Ждал знак условный в небесах,
Чтобы слететь, и в миг единый
Из человека сделать – прах!
Ужель степная лишь могила
Ничтожный в мире будет след
Того, чье сердце столько лет
Мысль о ничтожестве томила?
Нет! нет! ведь здесь еще Селим...
Склонясь в отчаяньи над ним,
Как в бурю ива молодая
Над падшим гнется алтарем,
Снимал он панцырь и шолом;
Но сердце к сердцу прижимая,
Не слышит жизни ни в одном!
И если б страшное мгновенье*

*Все мысли не убило в нем,
Судиться стал бы он с творцом
И проклинал бы провиденье!..*

30

*Встает, глядит кругом Селим:
Всё неподвижно перед ним!
Зовет: – и тучка дождевая
Летит на зов его одна,
По ветру крылья простирая,
Как смерть, темна и холодна.
Вот, наконец, сырым покровом
Одела путников она,
И юноша в испуге новом!
Прижавшись к другу с быстротой:
«О, пощади его!.. Постой! —
Воскликнул он, – я вижу ясно,
Что ты пришла меня лишит
Того, кого люблю так страстно,
Кого слабей нельзя любить!
Ступай! Ищи других по свету...
Все жертвы бога твоего!..
Ужель меня несчастней нету?
И нет виновнее его?»*

Меж тем, подобно дымной тени,
Хотя не понял он молений,
Угрюмый облак пролетел.
Когда ж Селим взглянуть посмел,
Он был далеко! Освеженный
Его прохладой мгновенной,
Очнулся бледный Измаил,
Вздыхнул, потом глаза открыл.
Он слаб: другую ищет руку
Его дрожащая рука;
И, каждому внимая звуку,
Он пьет дыханье ветерка,
И всё, что близко, отдаленно,
Пред ним яснее постепенно...
Где ж друг последний? Где Селим?
Глядит! – и что же перед ним?
Глядит – уста оледенели,
И мысли зреньем овладели...
Не мог бы описать подобный миг
Ни ангельский, ни демонский
язык!

Селим... и кто теперь не отгада-
ет?

На нем мохнатой шапки больше
нет,

Раскрылась грудь; на шелковый
бешикет

Волна кудрей, чернея, ниспадает,
В печали женщин лучший их убор!

Молитва стихла на устах!.. а
взор...

О небо! небо! Есть ли в куцах рая
Глаза, где слезы, робость и печаль
Оставить страшно, уничтожить
жаль?

Скажи мне, есть ли Зара молодая
Меж дев твоих? и плачет ли она,
И любит ли? но понял я молча-
нье!

Не встретить мне подобное со-
зданье;

На небе неуместно подражанье,
А Зара на земле была одна...

Узнал, узнал он образ позабытый
Среди душевных бурь и бурь войны,
Поцеловал он нежные ланиты —
И краски жизни им возвращены.
Она чело на грудь ему склонила,
Смущают Зару ласки Измаила,
Но сердцу как ума не соблазнить?
И как любви стыда не победить?
Их речи – пламень! вечная пусты-
ня
Восторгом и блаженством их
полна.
Любовь для неба и земли святы-
ня,
И только для людей порок она!
Во всей природе дышит сладо-
страсть;
И только люди покупают сча-
стье!

* * *

Прошло два года, всё кипит война;
Бесплодного Кавказа племена
Питаются разбоем и обманом;
И в знойный день, и под ночным

туманом

Отважность их для русского
страшна.

Казалось, двух братьев помирила
Слепая месть и к родине любовь;
Везде, где враг бежит и льется
кровь,

Видна рука и шашка Измаила.

Но отчего ни Зара, ни Селим
Теперь уже не следует за ним?

Куда лезгинка нежная сокрылась?

Какой удар ту грудь оледенил,
Где для любви такое сердце би-
лось,

Каким владеть он недостоин
был?

Измена ли причина их разлуки?

Жива ль она иль спит последним
сном?

Родные ль в гроб ее сложили руки?

Последнее «прости» с слезами му-
ки

Сказали ль ей на языке родном?

И если смерть щадит ее поныне

—

Между каких людей, в какой пу-
стыне?

Кто б Измаила смел спросить о

том?

Однажды, в час, когда лучи заката

По облакам кидали искры злата,
Задумчив на кургане Измаил
Сидел: еще ребенком он любил
Природы дикой пышные картины,
Разлив зари и льдистые вершины,
Блестящие на небе голубом;
Не изменилось только это в нем!
Четыре горца близ него стояли,
И мысли по лицу узнать желали;
Но кто проникнет в глубину морей

И в сердце, где тоска, – но нет
страстей?

О чем бы он ни думал, – запад
дальный

Не привлекал мечты его печальной;

Другие вспоминанья и другой,
Другой предмет владел его душой.

Но что за выстрел? – дым взвился,
белея.

Верна рука, и верен глаз злодея!
С свинцом в груди, простертый на

земле,
С печатью смерти на крутом че-
ле,
Друзьями окружен, любимец бра-
ни
Лежал, навеки нем для их призва-
ний!
Последний луч зари еще играл
На пасмурных чертах и придавал
Его лицу румянец; и казалось,
Что в нем от жизни что-то
оставалось,
Что мысль, которой угнетен был
ум,
Последняя его тяжелых дум,
Когда душа отторгнулась от те-
ла,
Его лица оставить не успела!
Небесный суд да будет над тобой,
Жестокий брат, завистник веро-
ломный!
Ты сам наметил выстрел роко-
вой,
Ты не нашел в горах руки наем-
ной!

Гремучий ключ катился невдали.
К его струям черкесы принесли

Кровавый труп; растегнут их рукою
Чекмень, пробитый пулей роковою;
И грудь обмыть они уже хотят...
Но почему их омрачился взгляд?
Чего они так явно ужаснулись?
Зачем, вскочив, так хладно отвернулись?
Зачем? – какой-то локон золотой
(Конечно, талисман земли чужой),
Под грубою одеждою измятый,
И белый крест на ленте полосатой
Блистали на груди у мертвеца!..
«И кто бы отгадал? – Дзяур проклятый!
Нет, ты не стоил лучшего конца;
Нет, мусульманин верный Измаилу
Отступнику не выроет могилу!
Того, кто презирал людей и рок,
Кто смертью играл так свое-
нравно,
Лишь ты низвергнуть смел, свя-
той пророк!
Пусть, не оплакан, он сгниет бес-

*славно,
Пусть кончит жизнь, как начал –
одинок».*

Примечания

Печатается по авторизованной копии – ИРЛИ, оп. 2, № 67 (отдельная тетрадь) – и по выпискам В. Х. Хохрякова из утраченного автографа – ГПБ, Собр. рукописей М. Ю. Лермонтова, № 56.

По авторизованной копии печатается текст, кроме стихов «И вдруг проглянет солнце, и поток... Блится как цветы небес и рая...». По выпискам В. Х. Хохрякова – заголовки частей, эпиграфы и стихи «И вдруг проглянет солнце, и поток... Блится как цветы небес и рая...».

На обложке авторизованной копии приписка к названию поэмы: «Копия с рукописи М. Ю. Лермонтова. От А. А. Краевского». В тексте исправления рукой Лермонтова.

На обложке тетради с выписками В. Х. Хохрякова – надпись, воспроизводящая почерк Лермонтова: «Измаил-Бей. Восточная повесть 1832 год. 10 мая. М. Лермантов». На обороте обложки карандашный рисунок, изображающий горца, очевидно – копия с рисунка Лермонтова. На л. 2 текст посвящения и надпись,

тоже воспроизводящая почерк Лермонтова: «М. Lerma». На лл. 3—12 текст первоначальной редакции 26 главы I части.

Имеется черновой автограф посвящения – ИРЛИ, оп. 1, № 21а (Казанская тетрадь), л. 11.

Текст автографа, состоящий из 20 стихов, первоначально имел название «Вдохновенье».

По-видимому, это было самостоятельное лирическое стихотворение. Впоследствии Лермонтов зачеркнул название, заменив его словом «Посвященье». Стихи «Опять явилось вдохновенье... Она поет о солнце юга!..» вошли в качестве посвящения в поэму «Измаил-Бей». Остальные 8 стихов не вошли в посвящение. По-видимому, они относятся к В. А. Лопухиной. Эти не вошедшие в текст поэмы 8 стихов приведены в разделе вариантов.

Автограф всей поэмы не известен.

Впервые опубликовано по авторизованной копии в «Отеч. записках» (1843, т. 27, № 3, отд. I, стр. 1—25) с неточностями и пропусками цензурного характера.

В Соч. под ред. Висковатова (т. 2, 1889, стр. 70—136) поэма опубликована с учетом выпи-

сок Хохрякова (даны эпитафии и названия частей) чернового автографа из Казанской тетради (посвящение напечатано полностью в составе 20-ти стихов). В тексте имеются и необоснованные отступления от авторизованной копии.

Первая редакция 26-й главы первой части впервые опубликована в «Сборнике статей к 40-летию ученой деятельности академика А. С. Орлова» (Л., 1934, стр. 475–476).

В настоящем издании исправлены описки авторизованной копии, исправления даны в скобках:

мненье (мненья)

Освобожденных (Освобожденной)

слетевши (слетевшей)

любил (ловил)

движение (движенье)

святыми (святыни)

на плеча (на плечи)

порхнет (нырнет)

к ним (к нам)

только тому (только потому)

мненье (мщенье)

на скалу (на скаку)

был (бел)

вдали (враги)

Датируется 1832 годом на основании надписи на тетради с выписками В. Х. Хохрякова: «1832 год 10 мая», а также потому, что в этой же тетради переписаны стихотворения, относящиеся к концу 1832 года, близкие по мотивам к «Измаил-Бею» («Люблю я цепи синих гор», «Прощание», «Ты идешь на поле битвы», «Синие горы Кавказа, приветствую вас»).

Сюжет поэмы в известной степени связан с реальными историческими событиями, происходившими на Кавказе в начале XIX века. Некоторые факты, рассказанные в поэме, совпадают с биографией кабардинского князя Измаил-Бея Атажукова. Измаил-Бей Атажуков продолжительное время находился в русской армии, участвовал в войне с турками и был награжден за штурм Измаила. Возможно, что Лермонтов знал и народное предание об Измаил-Бее. В создании образа Росламбека Лермонтов, по-видимому, также пользовался сведениями о реальном лице – Росламбеке Мисостове, сыгравшем важную роль в событиях в Кабарде в начале XIX века. Однако Лермонтов

не преследовал цели с точностью воспроизводить события эпохи и биографии исторических лиц (подробнее см. в книге: С. А. Андреев-Кривич. Лермонтов. Вопросы творчества и биографии. Изд. Акад. Наук СССР, М., 1954). После стиха 12 следует эпитафия к части первой, взятый из поэмы Байрона «Гяур».

Стихи «и в час урочный молчаливо... Они на поле роковом» с некоторыми изменениями вошли в поэмы «Аул Бастунджи», «Мцыри», «Демон»).

После стиха «И ждешь – и близок он – и вдруг погас!..» следует эпитафия части второй, взятый из поэмы Вальтер-Скотта «Мармион», песнь III, строфа III.

Стихи «Много дев у нас в горах... ты купи коня!». Черкесская песня – в основе ее лежит русская народная песня «Ты дума моя, думушка» (Собр. разных песен М. Д. Чулкова. СПб., 1770–1778, ч. 3, стр. 587), в которой есть строки:

Не женись ты добрый молодец,
А на те деньги коня купи...

Ср. «Герой нашего времени» – «Бэла», песня Казбича.

После стиха «в груди сокрылась невреди-ма!» следует эпиграф к третьей части, взятый из поэмы Байрона «Лара» (2 песня, XII).

Стих «Пришел к Осаевскому полю». Осаевское Поле – в начале XIX века так именовалась равнина, лежащая вдоль берега реки Асса.

Стих «Месяц плывет». «Песня Селима» с некоторыми изменениями включена Лермонтовым в поэму «Беглец».

Стих «Питомец смелый трамских табунов». Трамских табунов – аул Трам, существовавший до 1818 года, славился своими конями. Аул этот находился вблизи Константиногорской крепости (по дороге к Кисловодску), построенной в 1780 году русскими военными властями у подножия Бештау.

Стих «спешат ширванские полки». Ширванские полки – Ширванский 84 пехотный полк был образован из частей Азовского и Казанского полков. Ширванский полк особо отличился в войнах с Персией и Турцией 1826–1829 годов.

Сноски

*Так двигалась по земле дочь Чер-
кесии
Прелестнейшая птица Франги-
стана.*

Байрон. Гяур. (Англ.)

[^^^]

2

Две главные горы. (*Примечание Лермонтова*)

[^^^]

3

Две горы, находящиеся рядом с Бешту. (*Примечание Лермонтова*)

[^^^]

4

*Высокие души, по природной гор-
дости и силе*

*Глубже всех чувствуют твои
угрызения, Совесть!*

*Страх, как бич, повелевает низ-
кой чернью,*

Ты же – истязатель смелого!

*Мармион. С. Вальтер-Скотт. (АН-
гл.)*

[^^^]

5

*Она не сказала, ни откуда она, ни
почему она оставила
Все для того, кто, казалось, с ней
тоже был неласков.
Почему она любила его? Пытливый
глупец! Молчи:
Разве человеческая любовь рождается
по воле человека?
Лара. Л<орд> Байрон. (Англ.)*

[^^^]

Наездники. (*Примечание Лермонтова.*)

[^^^]